

Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЭТИКЕТ И ДИАЛОГ
В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ
И РАЗРЫВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ В 1655–1656 гг.**

В 1654 г. королеву Кристину на шведском престоле сменил Карл X Густав. Поэтому летом 1655 г. из Стокгольма в Москву было отправлено посольство из 144 человек для подтверждения Столбовского договора 1617 г., определявшего отношения между двумя странами.

Официальная цель посольства состояла в подтверждении Столбовского мира. К этому времени русские войска вступили в Вильно, а Карл X Густав захватил практически всю Польшу (его поход вошел в историю под названием «Потоп»). Под Вильно русские войска нанесли поражение Б. Радзивиллу, который являлся виленским воеводой и гетманом Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ).

В секретной инструкции послам предписывалось объяснить русским причины шведского вторжения в Польшу, заверить царя в дружественных чувствах к нему и обсудить с ним проблему установления демаркационной линии между русскими и шведскими владениями на Украине и в Белоруссии, что должно было предотвратить военное столкновение. Шведы не собирались признавать сделанных русскими захватов, а соответственно, титула Великого Князя Литовского. Послам также было поручено прозондировать отношение русского правительства к русско-шведскому союзу против Польши. Осенью, пока посольство ехало к Москве, шведские войска вступали в города, захваченные русскими. В этой ситуации, как справедливо указывает А. Котлярчук, столкновение России

и Швеции становилось неизбежным¹. Когда шведское посольство добралось до России, вопрос о начале войны со Швецией еще не был решен, однако сложившаяся ситуация предопределила характер приема послов.

Посольство возглавил представитель знатного дворянского рода член Государственного совета барон Густав Бьельке. Маршалом посольства был представитель известного в Швеции семейства Класс Банер. Секретарем посольства был Юнас Гюлленкранц, торговым экспертом Филипп Крузенштерн. В Риге к посольству присоединился представитель остзейского дворянства член губернского правления Эстляндии Александр фон Эссен.

Посольство прибыло в Ригу 25 июля. Послам было предписано ехать по возможности медленно и, если удастся, дожидаться в Риге шведского вторжения в Речь Посполитую, а до начала переговоров получить информацию о ходе военных действий. Ожидая информации о последних событиях, шведские послы оставались в Риге и выехали оттуда только 7 сентября.

1 октября послы прибыли в Новгород, где их ждал неприятный сюрприз: они услышали новый необычный длинный царский титул, в то время как шведского короля упоминали с кратким титулом. В Новгороде в это время находились и имперские послы, к которым новгородские власти относились гораздо лучше, чем к шведским². По мнению Л. В. Заборовского, именно в это время внешнеполитический курс правительства Алексея Михайловича в начал меняться в антишведском духе³.

В Москву посольство прибыло 28 октября. Поскольку к тому времени «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли», послов ждал холодный прием, и они остались недовольны отведенным им помещением и содержанием. Им разрешалось выходить только группами и запрещалось вступать в контакт с жителями столицы. Круг их общения составляли приставы, в беседах с которыми послы касались вопросов политики, религии, общественной жизни, военных событий⁴.

Первая встреча послов с царем состоялась 19 декабря⁵. Когда послы подносили грамоты, написанные на имя государя, этикет позволял русской стороне не принимать те из них, которые содержали неполный титул. На встрече 23 декабря шведским послам был объявлен новый титул царя, после того как русские войска взяли Вильно, к титулу добавили Литву, Белую Россию, Волынь и Подолию⁶.

Как и прежде, шведы возражали против использования в царском титуле слов «и иных многих государств государь и обладатель». Вместе с тем Алексей Михайлович, во многом подражавший Ивану IV, взял себе титул, который, как стало известно шведским послам, в свое время использовал Иван Грозный. В титуле 1655 г. было написано, что царь является обладателем восточных, западных, северных и южных земель. Названия сторон света, как указывал Бьельке, нигде не использовались в титулах европейских государств: «...под этим может скрываться претензия на то, чтобы дальше распространить свою власть, столь далеко, как он (царь. — Е. К.) сам может подразумевать»⁷.

Внести изменения в царский титул мог только король. 24 января 1656 г., возможно уже получив донесение о переговорах 23 декабря, Карл X Густав, объявил о своем отказе изменять титулы до завершения войны с Польшей⁸. Король настаивал на том, что русская сторона должна удовлетвориться титулом в предложенном виде и сразу приступить к переговорам.

Бьельке и его спутники убедились, что русские затягивают переговоры. У послов, как они доносили шведскому Государственному совету 10 января, сложилось впечатление, что Москва дожидается результатов переговоров с имперскими послами. Шведские послы чувствовали, что не могут выполнить возложенной на них миссии, что дело идет к разрыву дипломатических отношений, что довольно быстро они могут оказаться в положении пленников (в скором времени это произошло в действительности), поэтому 2 января они попросили отпустить их домой⁹.

Русская сторона, частично нарушая сложившуюся практику, порой действовала уже в соответствии с новыми правилами, непривычными и непонятными для шведов. 15 января они принесли жалобу на то, что норма поденного корма была уменьшена по сравнению с той, которая давалась Гюльденшерне¹⁰ (в Европе не было принято содержать прибывших послов за счет государства и тем более так щедро предоставлять им вина и всевозможные яства; тем не менее перемены, происшедшие со времени приема русскими шведского посольства 1634 г., сокращение рациона не могли пройти незамеченными для Бьельке и его спутников). Однако это дополнительно осложнило положение посольства, тем более что, находясь в Риге и не имея никаких назначений, Бьельке

и его спутники не получали никаких денег. На отсутствие средств и нужду жаловались все участники посольства¹¹.

21 января Трана отметил в своем дневнике, что к этому времени «исчерпалось доверие к нам русских и великого князя, оно стало как к худшему из цыган». Он писал также о том, что когда 24 января шведские послы устроили «большой пир по случаю победы его королевского величества в Польше», то царь запретил иностранным офицерам, находившимся на русской службе, принять в нем участие. Послы хотели отметить день рождения королевича, приглашали торговых людей, но последних не известили. В принципе иностранных послов всегда держали взаперти, лишая возможности общения с внешним миром, но на этот раз такой шаг однозначно воспринимался как ущемление прав послов.

Бьельке был озабочен судьбой шведских подданных Кристиана Вальтера и Томаса Кала: они были арестованы и у них, в соответствии с русскими обычаями, были отняты их личные письма. Бьельке выражал удивление по поводу случившегося, ибо таких порядков не существовало ни в одной стране¹².

11 марта послы вели беседу с Н. И. Одоевским и Алмазом Ивановым в присутствии других бояр. Русские настаивали, что, когда шведы не приводят полных царских титулов в соответствии с новыми требованиями, «про то выразуметь не могли, для чего то написано»¹³ (на самом деле русские понимали, что шведы готовятся к разрыву дипломатических отношений). Послы стремились перейти к вопросу о том, кому должна принадлежать Литва, хотя русская сторона отвечала, что сначала надо решить вопрос о титулах, что за истекшее время можно было позаботиться о том, чтобы была прислана грамота с новыми титулами. Алмаз Иванов попытался прервать встречу, сказав, что больше не о чем вести переговоры: когда вопрос о титуле решен (при том, что в данном случае речь шла о признании прав России на Литву), ясно, что остальное — мелкие дела, которые можно быстро разрешить.

Бьельке исходил из того, что следует воспрепятствовать эскалации конфликта в Литве. Практически на первом этапе это должно было означать перемирие между двумя державами, а дальше — проведение границы без уступок земель России.

19 марта шведская верительная грамота была принята в ее первоначальном виде, в тот же день послы посетили царя. Прием

был проведен в унижительной для послов форме: они стояли в саниях; вопреки установленным нормам этикета, сопровождали их собственные пристава. Реально переговоры вел Алмаз Иванов. Так как в обоих случаях речь шла об одних и тех же проблемах, целесообразно параллельно рассмотреть материалы переговоров 11 и 19 марта.

11 марта шведы, стремясь добиться установления разграничительной линии, перешли к вопросу о нескончаемых конфликтах и обидах, в первую очередь о конфликтах, которые провоцировал А. Л. Ордин-Нащокин. В дальнейшем, 19 марта Алмаз Иванов отрицал, что со стороны царя были какие-то нарушения. Во всяком случае, в конечном итоге он сказал про русских, что «за малые места отдавать им будет большие места». Такой вариант не мог устроить русскую сторону. Шведские послы, опять же с целью в первую очередь выиграть время, предлагали провести дополнительное расследование, которое можно было поручить М. Делагарди, однако получили отрицательный ответ.

Вместе с тем речь шла о спорах, когда обе страны, не желавшие идти на взаимные уступки, вели военные действия на территории Литвы, а литовские гетманы, с одной стороны, становились заложниками русско-шведских отношений, с другой — были вынуждены выбирать, кому они хотят служить: русским или шведам. Русская сторона была больше озабочена тем, чье подданство примет Б. Радзивилл.

В связи с заключением Кейданского договора, чтобы избежать войны, шведы настаивали на том, что имеющийся в распоряжении русской стороны документ переведен неточно. Речь шла о том, что договор был заключен, чтобы на эти земли не мог претендовать польский король. На самом деле вопрос о правах России на литовские земли при составлении Кейданского договора игнорировался.

Послам была прочитана составленная по этому случаю грамота с перечислением тех земель, которые царю «Бог поручил», о взятии которых царь уведомил как шведское военное командование, так и Карла X Густава. Шведы продолжали совершать набеги на них, несмотря на то что русские прекратили нападения на территории, занятые шведскими войсками.

Если вначале русские говорили о своем намерении включить Литву в состав Российских земель, то к 19 марта они поняли, что,

так как шведы пытаются вести переговоры о разграничительной линии, то надо сформулировать свои встречные требования. Царь рассчитывал получить принадлежавшую Яну и Богуславу Радзивиллам земельную полосу шириной 25–30 верст за Десной, занятую шведскими войсками осенью 1655 г. В результате Алмаз Иванов предъявил требования, которые заведомо не устраивали шведскую сторону. Глава Посольского приказа указывал на «универсал», который получил граф Магнус Делагарди, инструкцию, переданную полковником Адамом Воляксом, которому предстояло провести размежевание в Литве, и документ, представленный последним. Неясно, идет ли речь о размежевании, которое предполагалось провести в соответствии с королевским мемориалом от 3 июля 1655 г. и которое явно не удовлетворяло русскую сторону, или в соответствии с мемориалом от 30 января. При переговорах, когда практически оказавшимся в положении пленных Бьельке и его спутникам надо было оправдать шведов, обе стороны решили свалить всю вину в возникших неурядицах на Волякса, который «сплутал, писал те города королевскими собою без королевского ведома». Бьельке осознал, что никакой диалог по этой проблеме не возможен. Реальные переговоры так и не состоялись.

Еще один конфликт возник в связи с письмом, которое шведы направили украинскому наказному гетману И. Н. Золотаренко с целью склонить его поступить на шведскую службу 10 тыс. человек. Швеция не хотела признавать права России на Украину. Переписка Карла X Густава с Б. Хмельницким началась уже давно, но намерения украинского гетмана оставались неизвестными. Украина рассматривалась Стокгольмом как независимое государственное образование. 14 ноября 1655 г. Карл X Густав послал Золотаренко письмо с просьбой о предоставлении шведской стороне 10 тыс. человек¹⁴. По-видимому, Хмельницкий дал свое согласие, и люди были посланы¹⁵. В это время шведы не предпринимали реальных попыток добиться перехода казаков в шведское подданство.

Одоевский выразил опасения по поводу этой переписки. На переговорах 11 марта 1656 г. Бьельке снова привел свой излюбленный довод, сказал, что письмо было переведено неверно, что сам король не предпринимал никаких шагов для того, чтобы привлечь казаков к себе на службу. В свою очередь, русская сторона уже

19 марта пыталась настаивать на том, что перевод был выполнен правильно. Последовала полемика по вопросу о том, следовало ли шведам обращаться к казакам, которых русские считали своими подчиненными.

Стороны с трудом находили общий язык. На словах царь и его окружение воспринимали заключение шведами (или его возможность) договоров с литовскими гетманами или с казаками как ущемление шведами неоспоримых прав русских. Это вызывало раздражение шведов, которые оказывались не в состоянии навязать русским свои требования. В донесении королю Бьельке приводил традиционную для XVII в. шведскую оценку русских: «Надменность и высокомерие народа столь велики, что этому стоит поучиться»¹⁶.

Но в принципе русские и шведы, когда шла борьба в Литве, действовали одними и теми же методами. Русская сторона успела достаточно хорошо осознать, что шведы не признают ее прав на титул Великого Князя Литовского. И русские, и шведы стремились убедить литовских гетманов принести присягу царю или, соответственно, Карлу X Густаву, заключив с ними договор, даже если до этого гетманы успели вступить в соглашение с другой стороной. В конце 1655 — начале 1656 г. царь прилагал большие усилия, чтобы убедить гетманов принять российское подданство, поскольку в Москве получали информацию о распространении в Литве прорусских настроений¹⁷.

В сложившейся ситуации Россия предпочла решать все проблемы на полях сражений. Стараясь избежать войны с Россией, успев укрепиться силой оружия там, где это удалось, учитывая слабость Русского государства, шведы первоначально намеревались быстро урегулировать возникший конфликт на уровне дипломатических переговоров. Различный подход к проблеме приводил к тому, что каждый пытался поставить на обсуждение те вопросы, которые считал нужным, хотя на самом деле речь шла об одном и том же: кому должно принадлежать ВКЛ и где предстоит провести границу. Русские специально затягивали переговоры, отказывались принять грамоты со старыми титулами. Во всех случаях шведские послы или ссылались на неточности, допущенные при переводе используемых документов, или предлагали провести дополнительное расследование. В то же время шведы откровенно не признавали прав России на Литву

и демонстрировали свое отношение к казакам как к независимому народу.

После переговоров 19 марта стало достаточно очевидным, что Россия готовится к войне. 20 марта Бьельке доносил королю о том, что русские убеждены, что шведы захватили те земли, которые были первоначально захвачены русскими войсками¹⁸.

Послы просили о прощальной аудиенции у царя, но вместо этого 20 марта к ним пришли приставы и запретили им выходить в город. Русские власти хотели перекрыть каналы, по которым информация из Москвы поступала к шведам, письма, проходившие от Г. Горна Бьельке, приходили вскрытыми¹⁹. Финляндский историк Р. Фагерлюнд отмечает, что в 1656 г. М. Делагарди получал информацию от Бьельке. 19 марта посол сообщал, что нападения русских следует ожидать с уверенностью. С весны поступавшие известия стали sporadическими, поскольку свобода членов посольства была ограничена, а также поскольку русские стали строже надзирать за шведскими купцами, которые везли с собой письма. В середине мая Бьельке сообщил Г. Горну о враждебной деятельности русских купцов в Нарве, и Горн приказал арестовать их и отправить в Швецию²⁰.

После того как царь уехал из Москвы и переговоры были фактически прерваны, контроль за членами посольства ужесточили, у них отобрали оружие и на треть сократили выдачу продовольствия. 24 мая их перевели в Замоскворечье на двор полковника Берента Рильсека, при этом им запретили покидать резиденцию и вести переписку. Фактически они были интернированы подобно членам посольства Павла Юстена в 1569–1572 гг. «С нами теперь обращались не как с послами, а как с пленниками», — писал в своем дневнике А. Трана²¹. Их участь разделил находившийся в это время в Москве шведский торговый представитель Адольф Эберс (Эбершёльд).

С 24 мая 1656 г. по 16 февраля 1657 г. послы не имели практически никаких известий о том, что происходит в стране и в мире. Только после того, как осенью 1657 г. царь принял решение о прекращении военных действий, шведам было разрешено отправить курьера в Стокгольм.

25 мая 1658 г. шведские послы покинули Москву, где они за два с половиной года испытали почти все трудности, которые могли случиться с послами в то время, когда дипломатический

иммунитет еще не стал нормой в Европе, пережили гнев и милость царя, унижение и подобострастие чиновников. Один из членов посольства писал, что почти все это время они жили «на острие ножа», опасаясь за свою жизнь, испытывая страх и отчаяние, ожидая ссылки в Сибирь как наименьшего зла.

---

¹ *Kotljarchuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Söderstörn, 2006.

² *Форстен Г. В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Январь. С. 242.

³ *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 134.

⁴ Дневник Андерса Траны. 1655–1656. Великий Новгород, 2007. С. 44–45.

⁵ Имперских послов царь принял 15 декабря.

⁶ *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 196–197.

⁷ Бьельке Г., Ессен фон А., Крузеншерн фон Ф. — Государственному совету Швеции. 10 января 1656 г.

⁸ Карл X Густав — Бьельке Г., Ессену фон А., Крузеншерну фон Ф. 24 января 1656 г.

⁹ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Запись 2 января 1656 г.

¹⁰ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Запись 15 января 1656 г.

¹¹ Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. — Карлу X Густаву. 29 января 1656 г.

¹² Шведский протокол переговоров Бьельке Г., Ессен фон А., Крузеншерн фон Ф. с кн. Н. И. Одоевским, Алмазом. 11 марта 1656 г.

¹³ Статейный список пребывания в России Бьельке Г., Ессена фон А., Крузеншерна фон Ф. Протокол переговоров 11 марта 1656 г. С. 36.

¹⁴ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 2. Київ, 1931. С. 1110–1111.

¹⁵ *Кобзарева Е. И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 76.

¹⁶ Бьельке Г. Карлу X Густаву. 29 января 1656 г.

¹⁷ *Флора Б. Н.* От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // *Kwartalnik Historyczny CX.* 2003. 2.

¹⁸ Бьельке Г. Карлу X Густаву. 20 марта 1656 г.

¹⁹ *Lappalainen J. T.* Kaarle X Kustaan Venäjän-sota. Juväskylä, 1972. S. 95.

²⁰ *Fagerlund R.* Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661. Operationer och krigsansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustafs krig. Åbo, 1979. S. 59–63.

²¹ Дневник Андерса Траны. С. 78–79.